

Роман Воликов

*Драматико
позорище*

Роман Воликов
Драматическое позорище

«Издательские решения»

Воликов Р.

Драматическое позорище / Р. Воликов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-839125-5

«Немь лукает луком немным в закричальности зари. Ночь роняет душам
тёмным кличи старые „Гори“. Закричальность задрожала, в щит молчание
взяла и, столика и стожала, боем в темное пошла. Лук упал из рук упавном,
прорицает тишина, и в смятении державном улетает прочь она.»Велимир
Хлебников

ISBN 978-5-44-839125-5

© Воликов Р.
© Издательские решения

Содержание

Драматичко позорище	6
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Драматичко позорище

Роман Воликов

© Роман Воликов, 2017

ISBN 978-5-4483-9125-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Драматичко позорище

«Ни фи́га себе названьице!» – подумал я.

Транспарант ярко светился в темноте погружённого в глубокий ночной сон городка N.

Я высунулся из окна моего гостиничного номера, расположенного на третьем, самом верхнем этаже, и присмотрелся повнимательнее.

«Прожекторами снизу подсвечивают, а установлен транспарант, вероятно, на крыше пожарной части», – решил я. «Пожарка» была главной городской достопримечательностью, это я выяснил, когда днём прогуливался по улицам, и находилась на холме, расположением и цветом стен напоминая средневековый замок.

«Вот народ развлекается!» – подумал я и выбросил окурочок в окно, курить в гостинице, как это теперь принято, было запрещено.

В N я приехал предыдущим утром. Заштатный российский городишко на границе Брянской области и Белоруссии, но, кстати, чистенький, пожалуй, уютный в своей домовитости, жители доброжелательные, куры и коровы по тротуарам не гуляют, пьяные под забором не валяются. Холдингу в столице, где я имею честь трудиться, здесь принадлежит небольшой консервный завод. Заводчане выставили рекламацию по поставленному недавно оборудованию, меня, специалиста отдела закупок, послали на «разбор полётов». С рекламацией я управился быстро, составил надлежащий акт и отправился осматривать окрестности, чтобы скоротать время до вечернего поезда в Москву. Я обедал отменными чебуреками, которые теперь только и можно вкусить в такой дыре как N, когда с завода позвонили и сообщили нерадостную новость: генеральный директор холдинга планирует посетить завод в понедельник, просит его дожидаться. Я негромко выругался, до понедельника было целых четыре дня, пересчитал свои скромные командировочные, купил в магазине колбаски и пивца и разместился в гостинице. Интернет толком не работал, я напузырился пива и завалился спать, совершенно не представляя, чем мне заняться в эти дни.

«Завтра узнаю, что за такое драматичко позорище, – подумал я. – Наверное, какой-нибудь местный самодеятельный театрик».

– Чего-то интернет у вас совсем ни ку-ку, – пожаловался я утром милой тётушке, честно исполнявшей обязанности портье. – На входной двери же написано: Wi-Fi.

– Плохо у нас с этим, – созналась тётушка. – Да у нас постояльцы кто? Работяги, в основном. Им это баловство ни к чему.

– А где в вашем городе театр находится? – спросил я.

– Театр? – удивилась тётушка. – У нас нет театра. Артисты из Москвы, бывает, на гастроли приезжают, но сейчас никого нет, я бы знала, если кто приехал.

– Ясно. Спасибо! – сказал я и отправился курить на свежий воздух.

Я не ошибся. Транспарант действительно был установлен на крыше пожарной части на холме, хотя при дневном свете смотрелся уже не так эффектно. «Делать всё равно нечего», – и я вразвалочку зашагал в сторону «пожарки». Через полчаса я добрался к месту назначения. Рядом с входом в помещение сидел долговязый парень в кожаной шляпе, какие обычно носят кинематографические цыгане. Перед парнем на металлическом раскладном столике были разложены неровно порезанные бумажки.

– Вы спектакль хотите посмотреть? – спросил парень.

– Пожалуй... – неуверенно произнёс я.

– Чердынцев Артур Борисович, – представился парень. – Можно просто Артур. Начало спектакля в девять вечера. Адрес: улица Наримановская, 11.

– Это где? – спросил я. – Я не местный.

– Вверх по дороге минут десять пешком. Или на любом автобусе три остановки отсюда. Вас как звать-величать?

– Меньшиков, – сказал я. – Алексей.

– Родственник? – поинтересовался Артур.

– Вы про кого? – уточнил я. – Если про актёра Меньшикова, нет, просто однофамилец.

– Ничего страшного, – почему-то ободрил меня Артур. – С кем не бывает.

– А как спектакль называется? – спросил я.

– Ещё рано, – сказал Артур.

– Странное название, – сказал я.

– Ещё рано, – продолжил Артур. – Название обычно придумываем за час до начала.

– А кто автор? – упорствовал я.

– Вероятно, Орфей, – неохотно сообщил Артур. – Баснописец. Он, видите ли, скончался при туманных обстоятельствах. А вы заметили, какой сегодня утром был туман?

– Да, – сказал я. Окно моего номера смотрит на широкий пруд, туман на заре действительно был плотный и жутковатый.

– С высокой степенью вероятности – Орфей, – сказал Артур. – Ну, так как, решили, идёте?

– Сколько стоит билет в партер? – спросил я.

– У нас нет партера. Стульев, впрочем, тоже. Зрители сидят на земле, но вы не волнуйтесь, будет выдан чистый коврик. Цена же – сто рублей. Каждый билетменной. Как ваше отчество?

– Евгеньевич, – я протянул тысячную купюру.

– Сдачи у меня нет, – сказал Артур. – Поступим так. Я выдам билет, – он написал на листке мои фио. – Разменяйте деньги, вечером перед спектаклем отдадите сотку. До встречи! Не опаздывайте!

– До вечера! – я взял листок, неуклюже развернулся и потопал в сторону гостиницы.

«Странноватый городишко», – подумал я, выпив подряд два стаканчика кваса, налитого из настоящей жёлтой металлической бочки. Квасом, как водится, торговали на центральной площади около монумента нестареющему Ильичу.

Я посмотрел на билет. Лист бумаги был разорван по линейке не слишком аккуратно. Ладно, вечером решу, и отправился обедать чебуреками, которые теперь только в провинции и встретишь. После обеда я поспал в номере, не скрывая злорадства в отношении моих московских коллег, которые в это самое время «парятся» в офисе. Выспавшись, я перекусил в гостиничном кафе и пошёл на прогулку. Жизнь в городке, и так не слишком бурная, планомерно готовилась ко сну. Всё на той же центральной площади молодые отроки воодушевлённо исполняли брейк тридцатилетней древности.

«Грустно», – вздохнул я. Я, конечно, классический человек мегаполиса. Вырос в Калининграде, учился в Питере, живу и работаю в Москве. Когда заканчивал институт, питерские начали наступление на столицу, клерков потащили своих, я удачно оказался в первом эшелоне.

«С тоски сдохнешь среди этой экологической чистоты, – опять вздохнул я. – Между прочим, забыл спросить этого Артура, что означает драматичко позорище?» Ноги, как-то сами по себе, повлекли меня в сторону Наримановской улицы.

Названный мне адрес я нашёл без затруднений. В сгущающихся сумерках над калиткой светился зелёный фонарь, навевая томные воспоминания о ночном такси. Вместо звонка висел большой валдайский колокольчик. Я позвонил. Калитку открыла девушка приятной наружности в коротком чёрном платье, на голове у неё была своеобразная причёска, состоящая из множества мелко заплетённых косичек.

– Я на спектакль, – я вручил ей билет и сторублёвку.

– Проходите, Алексей Евгеньевич, – не взглянув на билет, сказала барышня и, взяв меня за руку, повела во двор.

«Начало неплохое», – подумал я. Барышня была вполне привлекательная. Двор представлял собой небольшой пустырь, фактически квадрат, по углам которого стояли четыре избушки, для полной сказочности которым не хватало лишь курьих ножек. Двор ярко освещался факелами, укрепленными на невысоких столбах и распространявшими густой смолистый запах.

– Ваш коврик, – барышня протянула мне соломенную циновку. – Садиться можно в любом месте.

– А вы актриса? – спросил я.

– Я – глумница! – улыбнулась барышня и упорхнула.

«Может, бордель?! – с некоторой надеждой подумал я. – Хотя для борделя уж слишком дешево. С другой стороны, в провинции народ не избалованный».

Я оглянулся по сторонам. Зрителей было немного. Если точнее, кроме меня, всего трое. Толстая баба, одетая в точности как крестьянка на картинах передвижников, к моему стыду и невежеству, я всегда представлял, как эти крестьянки лузгают семечки. Баба действительно лузгала семечки и периодически смачно сплёвывала на пожухлую траву, который порос двор, он же пустырь. Недалеко от неё сидела худощавая дамочка, лет тридцати на вид, завёрнутая в одеяние, напоминающее индийское сари. При этом она в затылку курила большую сигару.

– Приземляйся по соседству, – услышал я голос сзади. – Первачом угощу, коли не побрезгуешь.

Я обернулся. Голос принадлежал невзрачному мужичку с козлиной бородкой. Мужичок был одет в кожаную безрукавку на голое тело, на шее болтался идиотический галстук в розовых и красных цветах.

– Калимера, – сказал мужичок. – По грецки – добрейшего, так сказать, вечерочка. Первачок свежайший, утренний. – Рядом с ним стояла бутылка с мутной жидкостью. – Я и анис добавил, для лучшего, в хорошем смысле этого слова, пропердончика. Не желаете?

– Спасибо, я повременю, – я расстелил циновку и уселся.

– Васёк, – представился мужичок.

– Лёха, – зачем-то сказал я, хотя терпеть не могу, когда меня так называют.

– В порядке обустройства быта в нашем грандпаласе остановились? – поинтересовался Васёк и сделал большой глоток своего пропердончика.

– В нём, – сказал я. – А когда представление начнётся?

– Сейчас пеплом посыпят и начнут, – Васёк оскалил дисгармонично белые, крепкие и ровные зубья. – Гермесы наши трисмегисты!

– А зачем пеплом посыпают? – хотел спросить я, но не успел. Воздух наполнила ужасающая какофония из кошачьих визгов. Наверное, так происходит, если сто пятьдесят мартовских котов запереть в подвале без окон и дверей. Под эти душераздирающие звуки три фигуры, задрапированные с головы до ног в чёрное, высыпали в центре двора несколько мешков вещества, напоминающего тальк, граблями сделали ровную площадку и поставили в центр площадки табурет и большую лакированную арфу.

Визги смолкли также внезапно, как и начались. За арфу села девушка, очень похожая на ту, что встретила меня на пороге, только прическа из мелко заплетённых косичек у неё была фиолетового цвета. Девушка заиграла. Играла она виртуозно, самозабвенно, слегка прикрыв веки, вся отдаваясь настроению музыки.

«Какие таланты в глухомани пропадают», – подумал я.

Один из тех домиков, которым не хватало разве что курьей ножки, загорелся. Арфистка резко прекратила исполнение, встала, бросила светлый платок на голову сидевшей перед ней толстой бабы и с криком «Прощай!» кинулась в горящий дом. Я инстинктивно дёрнулся, чтобы бежать спасать красавицу, Васёк цепко удержал меня за руку.

– Не ссы! – тихо, но твёрдо сказал он. – Это оптический обман.

Домик, меж тем, как-то очень быстро догорел дотла. Факелы, будто по мановению волшебной палочки, уменьшились до размера едва мерцающих свечек и в наступившей темноте зазвучал размеренный голос:

Буду я ночь воспевать, что людей родила и бессмертных,
Ночь – начало всего, назовём её также Кипридой.
Внемли, блаженная, в звёздных лучах, в сиянии синем!
Внемли! Отрадны тебе тишина и сон безмятежный,
Ты, о, весёлая, добрая, праздники любишь ночные,
Мать сновидений, ты гонишь заботы и отдых приносишь.
Все тебя любят, дарящую сон, колесницы хозяйку,
Свет твой таинственен, и ты по природе, богиня, двусуща —
То под землёй пребываешь, то снова восходишь на небо.
Кругом бредя, ты играешь, гоняясь за живущими в небе,
Либо, коней подгоняя, к подземным богам устремляешь
Бег их и светишь и светишь в Аиде опять, ведь тобой управляет
Строгий Ананки закон, что всегда и для всех неизбежен.
Ныне, блаженная, всем вожденная Ночь, – умоляю,
Внемли с охотой словам к тебе обращённой молитвы,
Мне благосклонно явись, разогнав мои страхи ночные!

Прожектор высветил в темноте круг на белом тальке. В центре круга на табурете сидела мужская фигура, одетая в греческий хитон.

– Ба! Товарищ Чердынцев! – едва не воскликнул я, происходившая чехарда изрядно меня озадачила. На голове Артура красовалась узбекская тюбетейка.

– Между прочим, логический образ – бесцветен, – сказал Артур. – Потому что любой образ состоит из множества просто или сложно соединённых атомарных фактов. А кто слышал о том, чтобы атом имел цвет?

– Я не слышал, – громко крикнул Васёк.

– Значит, противоречие, граничащее с бессмысленностью, – сказал Артур. – Каждый факт сам по себе бесцветен, но почему-то собранные вместе они имеют наглость утверждать: «Зелёное есть зелёное». А почему не жёлтое? Факт это то, что мыслимо. Соответственно, то, что немислимо это не факт. Что же тогда это было? – прожектор осветил только что сгоревший дом. Домик был целёхонький, из окошка выглядывало улыбающееся личико арфистки. – Обман зрения? Может быть, обман психики, мистификация, фокус? Какая же реальность является истинной, а не ложной? Та, где дом сгорел и девушка погибла, или та, где никакого пожара не было в помине и наша милая глумница Алла посылает зрителям воздушный поцелуй? – Алла, жеманничая, послала воздушный поцелуй. – Заметьте, и в том, и в другом случае, одни и те же факты налицо – дом и девушка. Некоторые могут возразить, что факт есть лишь то, что соответствует действительности. Боюсь, что это опасное заблуждение. – Артур махнул рукой, домик на курьих ножках вновь загорелся, арфистка Алла немим ртом посылала мольбы о спасении. – Приветствую тебя, о, несравненная Гюльчетай, – Артур церемонно поздоровался с дамочкой, одетой в индийское сари. Та сделала глубокую затяжку сигарой и молча кивнула. – Итак, за последние пятнадцать минут дом сгорел дважды. Действительность насмехается над нами, не может же, в самом деле, сгореть то, что только что сгорело. Хотя. – Две девушки – та, которая встретила меня на пороге, и вторая, арфистка, похожие как близняшки, для пущей очевидности одетые, первая в белое, а вторая в чёрное, короткие платья, – выскочили на площадку, насыпанную тальком и затанцевали ирландскую джигу. Артур заёрзал на табурете, пританцовывая. – Хотя, если вернуться к тому, что образ бесцветен и зелёное является зелёным только потому, что нам так кажется, потому что мы не можем обходиться без существенного

определения вещей, потому что отсутствие формы у предмета удивительным образом лишает его в нашем сознании и содержания, потому что, если вышел из пункта А, где-то обязательно должен присутствовать пункт Б, иначе не вполне понятно, какого хера ты вообще вышел, потому что в любом бесцветном образе ты норовишь увидеть, в первую очередь, самое себя, а если глаза замутнены или просто недосуг, то всегда можно сослаться на вечную путаницу с курицей и яйцом и отсидеться в какой-нибудь хате с края, хотя, – Артур вскочил на табурет, вытянул руку в нацистском приветствии и в наступившей тишине громко произнёс:

– Вот в чём вопрос, если вопрос вообще имеет право на существование.

Глумницы замерли в незавершённом танцевальном движении.

– Это верно, – так же громко ответил Васёк. – Каждый дронит как он хочет!

– Безобразия! – завопила дамочка в сари. – Что вы себе позволяете, хам!? Здесь собрались интеллигентные люди.

Толстая баба поднялась на ноги.

– Я вот что вам скажу, курвы. У меня корова не доена, некогда мне тут с вами лясы точить.

Она плюнула в сторону Артура и пошла на выход.

– Хотя, – Артур невозмутимо сел на табурет. – Я смотрю на этот дом, который сгорает и восстаёт из пепла и вижу лишь, как одна неожиданность сменяет другую неожиданность. Был один нелепый факт, потом другой, разве возможно сделать обобщения из сумбура?

– Позвольте, позвольте, – раздался голос откуда-то сбоку. – Вот у меня, например, характерная фамилия Штульберг. И, что же, прикажете всю жизнь мацу жрать?

– Нас посетил сумбурный мужчина, – захихикала глумница Алла.

На площадку вступил высокий брюнет в элегантном костюме-тройке.

– А меня зовут Аглая, – сказала та, что встретила меня у дверей. – Вам нравится хокку?

– Мне нравятся ку-ку, – сердито ответил Штульберг. – Я хочу разобраться по части обобщений.

– Видите ли, дорогой друг! – Артур уселся на табурете, скрестив по-турецки ноги. – У Чарльза Дарвина и Френсиса Гальтона был общий дедушка.

– В смысле, обезьяна? – уточнил Штульберг.

– В смысле, она, – подтвердила Алла и показала кнут. – Не змея.

– Это было давно и неправда, – сообщил Штульберг. – Я происхожу из приличной семьи. Девятьсот лет назад мои родственники, по настоятельному требованию мздоимщиков, взяли себе фамилию. В этом просматривалась насущная необходимость, поскольку Абрамов и Сар в Померании было как говна осеннюю порою. Упаси боже, речь не шла о том, чтобы выделиться на фоне соотечественников. Просто Штульберги хотели платить только то количество налогов, которое предназначалось Штульбергам, без всякого перемешивания с Михельсонами и уж тем паче со Свердловыми.

– Это достоверный факт, – согласился Артур. – Я проверял по церковной книге.

– Мы – выкресты, – сказал Штульберг. – Но искренние. Я продолжу. Мои предки взяли самую незатейливую фамилию из тех, что были к распределению. В честь названия холма напротив дома. Стул-гора, гора-стул. Ничего особенного. Почему же через сто лет нас стали полагать высокомерными, чванливыми барыгами, которые восседают над всей округой?

– Это нелепо, – сказала Аглая. – Я сразу поняла, что вам не нравится хокку. Вы – противный.

– Зато богатенький, богатенький, богатенький, – пропела Алла. – Позолоти ручку, пан Буратин.

– Двести лет назад наша семья переехала в Россию, – продолжил Штульберг. – Всё то же самое, нас сочли высокомерными ростовщиками. Сто лет назад большинство Штульбергов превратились в коммунистов и очень быстро в финансистов. Лично я, чтобы вырваться из замкнутого круга, учился во ВГИКе, я мечтал переплюнуть Тарковского и Сокурова.

И что же? Я успешный продюсер, который лепит телевизионное «мыло». Вы полагаете, что из изложенных нелепых фактов нельзя сделать обобщение?

– Вы не пробовали сменить фамилию? – участливо поинтересовался Артур.

– Я её сменил, – сказал Штульберг. – Вот паспорт – Негривода Кузьма Степанович. Смотрите.

Аглая взяла паспорт и прочла: – Штульберг Аполлон Меирович.

– Вот так постоянно, – сказал Штульберг. – Когда я смотрю в паспорт, написано – Негривода. Когда кто-нибудь другой, нате вам, с кисточкой, Аполлон Штульберг.

– Вы, случайно, не гей? – спросила Алла.

– Я – кобель! – гордо возвестил Штульберг.

– А если и гей, я потерплю, – вздохнула Алла. – Я так устала от этой нищеты, неопределённости, пустоты.

– Не, не, не! – крикнул Васёк. – Театра хочу, а не блядства.

– Да угомонись ты! – я с силой треснул его по плечу. – Придурок недоделанный!

Всё творившееся у меня на глазах лучше всего было охарактеризовать коротким непристойным словом: «Это пиздец!» Я несколько не сомневался, что оказался жертвой наркотического дурмана, только не понимал, как им это удалось. Ноги мои сделались как ватные, подняться и уйти не было ни сил, ни, как ни парадоксально прозвучит, желания.

– Любезны друзи! – несравненная Гюльчетай села к Артуру на колени и подбросила сигару в небо. Сигара обратно не вернулась. – Я вряд ли смогу вас удивить, но что есть имя как не знак. А всякий знак выражает вещь. Вещь есть скрытое свойство знака. Произнести имя значит осудить и низвернуть его воздействию силы. Да, имена или благодетельны или зловредны. Всё зависит от букв, их составляющих, и чисел, соответствующим этим буквам. Но что тогда карма – неизбежное страдание или предупреждение?

Гюльчетай встала и широко раскинула руки.

– Вот я сейчас Тау. Две горизонтальные линии – мои руки – означают мужское и женское начало. Как гроздь, они свисают, но с чего?

Сари слетело с Гюльчетай, к моему изумлению, тела у неё не было, только голова и руки.

– Что ты видишь в пустоте? – Гюльчетай пристально посмотрела мне в глаза.

– Мяс! Мяс! Мяс! – недовольно промурлыкал Васёк. – Я так надеялся увидеть достойные сиськи. На фиг Брахмапутру!

Глумницы Алла и Аглая подскочили к Ваську и ловко схватили его за уши.

– Я тебя предупреждал на прошлом спектакле?! – негромко произнёс Артур.

– Предупреждал, – ухмыляясь, подтвердил Васёк.

– И таки что? – спросил Штульберг.

– Нам, матерьялистам, фильдеперсово! – заносчиво ответил Васёк. – Легче вырвать перо из жопы полярной совы, чем заставить меня замолчать. Нирвана не за горами, быдлота!

– Как хочешь! – Артур сделал знак глумницам, те резко дернули Ваську за уши, голова его раскололась как орех на две половины, и бурный поток крови хлынул прямо на меня.

Я заорал, вскочил, ударился лбом о фонарный столб и грохнулся оземь. Затуманенным взором я рассмотрел метрах в пятнадцати подъезд гостиницы, где остановился. Было темно. Вокруг меня никого не было. Потирая шишку, я тихонько прокрался в номер, включил свет, подошёл к зеркалу и обомлел. Моё лицо, рубашка и джинсы были испачканы кровью. Чужой кровью.

«Значит, не прирезилось, – вяло подумал я. – Ну, я и попал!»

Я снял рубашку и дотошно изучил пятна. Я, конечно, не криминалист, но в том, что это именно кровь, не было никаких сомнений. Почти как робот я затолкал вещи в полиэтиленовый пакет и пошёл под душ.

Потом я лежал в кровати и, наплевав на правила, курил.

Хорошо, предположим, это всё действительно было на самом деле. Я приехал в командировку, от нечего делать отправился на спектакль в местный театр, где во время представления изуверским способом убили человека. Предположим, я сейчас, посреди ночи, явлюсь в ментовку и сделаю соответствующее заявление. По горячим, так сказать, следам. Правда, возникает, как минимум, один неприятный вопрос. Каким образом в мгновение ока я переместился с улицы Наримановской, дом 11 к подъезду гостиницы, то есть километров на шесть. Хорошо, спросят меня, как убили этого человека? Очень просто, скажу я, даже элементарно, две актрисы, которых почему-то называли глумницами, потянули разбушевавшегося зрителя за уши и разорвали ему голову. В самом деле, скажут менты, как просто, но мы, признаться, с таким способом раньше не сталкивались. Там вообще было много всякой мистики, расскажу я, но, видимо, уже санитарам, поскольку из отделения меня незамедлительно этапируют в психбольницу.

Я поднялся с кровати и достал рубашку из пакета. Ткань впитала кровь, сделав пятна тёмно-бурыми. А ведь какая хорошая жизнь была. Работаю в Москве, в серьёзной организации, квартира собственная, пусть и однокомнатная, но своя, без всякой там ипотеки, у девушек популярностью пользуюсь. Как же всё это глупо.

В командировки я всегда беру с собой снотворное «феназепам», я плохо сплю в чужих кроватях. «Как удачно!» – подумал я, выпил две таблетки и заснул дурным беспокойным сном.

Утром меня разбудил Машкин звонок. Машка – моя подруга, немного моложе меня, учится на последнем курсе в Бауманском университете.

– Ты где? – спросила Машка. – В Москве?

– Нет. В командировке. Директор холдинга приехал. Задерживаюсь до понедельника.

– Жалко, – сказала Машка. – Мы же на выходные в Коломенское собирались. Погода такая чудесная стоит.

– Да я и сам не рад в этой дыре торчать, – сказал я. – Но против воли начальства не попрёшь, сама понимаешь.

– Понимаешь, – согласилась Машка. – Ладно, не скучай.

С Машкой у нас как-то сразу установились лёгкие отношения. Спим, разумеется, вместе, но живём по отдельности, я у себя, она – у родителей. Сцен ревности из-за этого не устраиваем, вообще, стараемся проблемами не грузить. Как говорится, секс без обязательств. Наверное, Машке хотелось бы чего-нибудь более серьёзного, но она хоть и девушка учёная, никогда не мог выговорить название её специальности, нечто, связанное с на-на технологиями, но ненавязчивая. «Да и проблем до нынешней ночи у тебя, как я сейчас понимаю, никаких и не было», – грустно подумал я.

Я достал из пакета рубашку и джинсы. Пятна не испарились, зато испарилась моя последняя надежда на возврат в нормальную жизнь.

«Речь, во всяком случае, связная, – констатировал я. – И мысли тоже. Значит, я не сошёл с ума. Это радует». Первым делом уничтожить улики. Если возьмут за жопу, пойду в отказуху: не видел, не слышал, не участвовал, требую адвоката. Городишко-то крохотный, подумал я, подходя к стойке портье, если ночью действительно произошло убийство, сорока уже должна была по всем углам разнести.

– Как спали? – приветливо поинтересовалась всё та же тётушка.

– Спасибо, я хорошо сплю.

– Это такое замечательное свойство молодости, – сказала тётушка. – Ни тебе давления, ни тебе мигрени.

– Подскажите, пожалуйста, как мне доехать до кладбища?

– Вам на Центральное или на еврейское? – тётушка с интересом посмотрела на меня.

– В городе живёт много евреев?

– Жило, – сказала тётушка. – Даже синагога была. Она и сейчас есть, просто закрыта. Мы в Чернобыльскую катастрофу сильно пострадали, большинство евреев под эту сурдинку в Израиль переехали за казённый счет. Такие хоромы бросали, честным трудом за пять жизней не заработаешь. А вам на кладбище поведать кого?

– Мне, вероятно, на Центральное, – сказал я. – Знакомая в Москве просила могилы родственников навестить.

– А как звать вашу знакомую, – тётушка явно запала на любимую тему. – Может, и я её знаю.

«Старая дура!» – выругался я про себя и назвал фамилию наугад. – Аниканова. Лидия.

– Незнакома, – разочарованно сказала тётушка. – Она, наверное, давно из города уехала.

– Давно, – сказал я. – Ещё ребенком. Так как на кладбище доехать?

– Садитесь на любой автобус, который едет через Наримановскую улицу. Не перепутайте, через Наримановскую.

– Спасибо! – поблагодарил я и снова выругался: «Опять эта Наримановская. Чтоб её переименовали, заразу!».

Уже сидя в автобусе, я, наконец, задал себе давно напрашивающийся вопрос: «Зачем, собственно, я еду на кладбище?» Это желание возникло самопроизвольно, будто кто-то осторожно, но настойчиво подсказал, что лучшего места сжечь улики в городке N не существует. «Да с какой стати не существует? – возмутился я. – Что я вообще про этот город знаю? Вернусь в гостиницу, посмотрю в интернете симптомы психических заболеваний. Наверное, у меня та форма, когда человек постепенно сходит с ума и осознаёт, что с ним происходит. Блядь, мне этого только не хватало для полного счастья».

На кладбище было пустынно, будний день. Я побродил среди могилок, отыскал мусорный бак, набросал туда сухой листвы и сжёг пакет с окровавленными вещами. Я не любитель кладбищ, никогда не понимал, какие философские меланхоличные мысли может навеять посещение последнего пристанища. Рядом с баком была заросшая могилка с неказистым памятником. Я присел на скамеечку, закурил и мимоходом взглянул на памятник. В ту же секунду сигарета выпала из моих пальцев. На меня смотрел фотопортрет ухмыляющегося Васька. Я прочитал:

КАРАУЛОВ СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ. 28.12.1959 – 30.08.2012

– Были с ним знакомы?

Я обернулся.

Если бы в городке N внезапно приземлились инопланетяне, этот факт вызвал бы у меня меньшее изумление, чем дама, которая задала вопрос. Передо мной стояла мисс Вселенной. Во всяком случае, именно так в моём представлении должна выглядеть первая красавица мира – высокая, длинноногая, с огромными миндалевидными глазами, ухоженная как дорогой бриллиант и одетая в наряды, эквивалентные по стоимости этому бриллианту.

– Нет, – поперхнувшись, сказал я. – Я здесь случайно проходил.

– Случайно на кладбище? – спокойно удивилась мисс Вселенной. – Странно. Вы не переживайте, у него были самые разные знакомые и иногда с очень своеобразной репутацией.

– Я действительно незнаком с товарищем, – сказал я. – Никогда не встречал.

– Да он и сам был странный, – продолжила, будто не услышав меня, мисс Вселенной. – Стихи писал. Хотите почитаю, я некоторые до сих пор помню наизусть.

– М-м-м, – неразборчиво промямлил я.

– Слушайте, – она зачем-то заложила левую руку за спину.

Мысль, принявшая оболочку фразы,

Несёт в себе энергии струю.

Вам кажется, что я пишу рассказы,

Я лярв для вас в реале создаю.

Читателям я свой секрет раскрою,

Собой вы лярву будете кормить.
Фантом бесплотный, образ бестелесный,
Питаясь вами, тело обретёт.
Чем больше вам он станет интересен,
Тем лярва проще в души к вам войдёт.
То значит – вы эгрегора создали,
И обратилось семя в страшный плод.
Он обретёт, живя в астрале силу,
Своих адептов поведя вперёд.
Себе вы сами вырыли могилу,
Вы смертны, а эгрегор не умрёт.
Он в ваших детях, внуках возродится,
Эгрегор станет воплощеньем зла.
Я, сочинив его, могу гордиться,
Лярв создавать – нет лучше ремесла...

– Специфические стихи, – сказал я. – Больше похоже на колдовское заклинание. Он был писателем?

– Кем он только не был, – сказала мисс Вселенной. – Вернее, он был никем. Больше всего баламутом. Сеял вокруг себя хаос. И умер нелепо – пьяным замёрз в сугробе.

– А вы, простите, ему кем доводиться?

– Вдовой, – сказала мисс Вселенной. – Мы были оригинальная пара.

«Вот уж действительно, – подумал я. – Просто красавица и чудовище. Какие только фортели матушка природа не выкидывает».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.